

В О С Ъ М О Й

Антон Белоконь

Восьмой

<https://litres.ru/74531274>

SelfPub; 2026

Аннотация

Несколько смертей, которые не должны быть связаны. Два следователя, привыкших проверять факты и не доверять слишком удобным версиям. И старое дело, которое кто-то очень старательно похоронил.

Когда Елена Лебедева и Дмитрий Зорин начинают сопоставлять разрозненные детали, след приводит их к закрытому проекту «Север». У выживших — свои воспоминания. У архивов — свои пробелы. А правда оказывается опаснее любой версии, придуманной для защиты от прошлого.

Содержание

Предисловие	4
Глава	6
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Антон Белоконь

Восьмой

Предисловие

Память устроена хуже любого архива. Она не хранит прошлое по порядку и не выдаёт его по первому требованию. Она оставляет запахи, жесты, случайные слова, лица на краю фотографии — и иногда без предупреждения убирает то, что казалось главным.

Человек может годами быть уверен, что знает собственную жизнь. Потом появляется чужой вопрос, старая записка, неверная дата или имя, которое прежде ничего не значило, — и привычная история перестаёт сходиться. Не обязательно потому, что кто-то лгал. Иногда правда была рядом всё это время, просто никто не смотрел на неё целиком.

В расследовании редко существует одна улика, после которой всё становится ясно. Есть десятки мелочей: тапок без пары, письмо без обратного адреса, подпись на старом документе, человек, который помнит слишком мало, и человек, который помнит слишком хорошо. По отдельности они почти ничего не доказывают. Вместе начинают говорить.

«Восьмой» — история о такой цепочке. О людях, которым приходится проверять не только чужие слова, но и собствен-

ную уверенность. О прошлом, которое не исчезло после того, как его перестали обсуждать. И о границе между тем, что человек не помнит, и тем, чего он предпочёл бы не знать.

Эту историю лучше начинать без готового ответа. Смотреть туда же, куда смотрят следователи. Сомневаться вместе с ними. И помнить: самое важное не всегда спрятано. Иногда оно стоит на виду — просто не там, где его привыкли искать.

Глава

Глава 1

Два правых тапка

Лебедева остановилась на лестничной площадке, потому что женщина у окна держала в руках два правых тапка.

Один был серый, с продавленной пяткой. Другой — синий, почти новый. Женщина прижимала их друг к другу подошвами, и с серого понемногу осыпалась засохшая грязь. На ней были пальто поверх домашней кофты и оранжевая вязаная шапка, надетая задом наперёд. Лебедева решила не поправлять.

— Анна Григорьевна?

Женщина кивнула.

— Я Елена Лебедева. Мы с вами поговорим, только сначала найдём место, где можно сесть.

Она расстегнула пальто и ослабила шарф. После лестницы горело лицо; короткие тёмные волосы прилипли к вискам. Лебедева была невысокой, с широким ртом и серыми глазами, которые на фотографиях получались сердитыми, даже когда она улыбалась. Дочь давно велела ей смотреть не в объектив, а чуть мимо. Сейчас она старалась не нависать над Фоминой и говорила тише, чем обычно. В ответ женщина

крепче прижала тапки к груди.

— Я не брала его ключи.

— Хорошо.

— У меня свои. Он сам дал. Я по вторникам прихожу.

На площадке пахло вчерашним луком. За дверью соседней квартиры работал телевизор; ведущий с бодрым нажимом перечислял продукты, которые нельзя есть натошак. Стоявший у перил полицейский попробовал выключить радио, но попал в кнопку и сделал её громче.

Лебедева показала на тапки:

— Это ваши?

— Его. Он не любил, когда я в уличной обуви. Я всегда переобуваюсь в прихожей. А сегодня смотрю: нет пары. Один здесь, другой дальше. Ну, я и...

Женщина разжала руки. На тёмной резине синего тапка проступило коричневое пятно.

— Давайте пока положим, — сказала Лебедева.

Она не стала брать тапки. Позвала техника из квартиры и дождалась, пока тот подставит чистую бумагу. Анна Григорьевна следила за этим с тревожной сосредоточенностью, будто именно теперь совершала что-то недопустимое.

— Я ничего не мыла. Только руки.

— Где?

— В кухне. Я к нему подошла. Думала, упал. Потрогала плечо, а там...

Она посмотрела на пальцы.

— На кухне воду открывали вы?

— Да. И тряпку взяла. Я руки вытерла тряпкой. Её тоже нельзя было?

— Сейчас ничего не выбрасывайте. Мы разберёмся.

У лестницы возник мужчина в тёмной куртке с маленьким мокрым пятном на плече. В руках у него был складной стул.

— Из сорок второй, — сказал он. — Соседка дала. Только просила вернуть сегодня: у неё гости.

Он поставил стул боком к окну, чтобы сидящую не задевали дверью. Анна Григорьевна опустилась на него сразу, не снимая пальто.

Мужчина показал Лебедевой удостоверение. Дмитрий Зорин, уголовный розыск. Вчера вечером ей сообщили, что на следующем деле с ней будет работать новый оперативник, но само дело она ожидала получить позже.

— Внизу домофон не работает, — сказал Зорин. — Дверь держат кирпичом. Камера над входом соседская, хозяин пока не открыл.

— Кто уже заходил?

— Фомина, двое патрульных, фельдшер. Потом наши. Список записывают.

Он говорил негромко, не стараясь перекрычать рацию. Лебедева заметила это с благодарностью.

— Побудьте с ней. Не начинайте всё сначала. Пусть расскажет, что делала после того, как вошла. По порядку.

— Уже немного рассказала.

— Мне потом передадите.

Зорин посмотрел на бумагу с тапками и кивнул.

В квартире было слишком тепло. В прихожей лежал маленький коврик с надписью «Добро пожаловать», из тех, что продают возле касс в хозяйственных магазинах. Под зеркалом висела связка ключей на кожаном ремешке. На крючке рядом — единственная мужская куртка. Её нижний карман вывернули наружу: подкладка торчала серым языком.

Лебедева ещё не знала, сделал это убийца, хозяин квартиры или человек, искавший документы. Она записала: «Левый нижний карман». Слово «обыскан» писать не стала.

В комнате за прихожей лежал Павел Сергеевич Мельников.

Его фамилию ей назвали по телефону. Шестьдесят два года, врач, в последнее время принимал частным образом. Найден в собственной квартире на Рыбацкой, дом четырнадцать. Вызов в семь пятьдесят две. Подробностей дежурный не знал и произнёс в конце обычное: «Там, похоже, бытовое».

Письменный стол стоял у окна. Мельников лежал между ним и книжным шкафом, на правом боку, спиной к двери. Одна нога была подогнута, другая упиралась носком в край ковра. Голова оказалась возле нижней полки. Кровь впиталась в светлую ткань рубашки под воротником и дальше ушла в ворс.

Медик поднял голову от блокнота:

— Пока не трогайте стул. Там на спинке след.

— Причина?

— Травма головы. Остальное после исследования.

— Время хотя бы приблизительно?

— Вечер или ночь. Точнее сейчас совру. Тут батарея как печка, окно закрыто.

Лебедева сняла куртку. Техник, фотографировавший стол, подождал, пока она отойдёт от двери, и продолжил.

На столе лежали очки, открытый ежедневник и книга, придавленная стеклянным шаром. Рядом стояла чашка. На дне темнела полоска чая. В блюде — засохшая долька лимона, аккуратно разрезанная пополам.

Прямоугольник возле лампы был чуть светлее остальной столешницы. Кто-то регулярно протирал стол, не поднимая стоявшего там предмета. Теперь предмета не было. Лебедева посмотрела на пол. Под столом лежал дешёвый калькулятор, провод от лампы и смятый бумажный платок.

— Прямоугольник снимите с масштабом, — сказала она.

В ежедневнике последняя запись относилась к понедельнику. «19.00» и фамилия, которую сверху густо заштриховали. Правее, на чистом поле, Мельников написал: «Оригинал».

Лебедева ничего не перелистывала. Присела так, чтобы рассмотреть нижнюю полку шкафа, не касаясь ковра. Несколько папок стояли корешками внутрь. Между двумя томами медицинского справочника белел угол конверта.

— Елена Викторовна.

Зорин ждал в прихожей. Лебедева вышла к нему.

— Фомина сняла обувь, увидела один тапок у двери в комнату, пошла искать второй. Нашла возле стола, со стороны окна. Тогда и увидела тело. Проверила плечо. После этого кухня, руки, тряпка. Позвонила не сразу.

— Сколько времени?

— Говорит, минуты две. Сначала дочери Мельникова, потом в скорую. Посмотрим телефон — будет точно. Ничего не переставляла, кроме тапок. А ещё подняла чайную ложку.

— Где?

— В прихожей. Положила в раковину.

Лебедева посмотрела на плитку у входа. Чистая, светло-коричневая, с тёмными швами. Из комнаты до кухни нужно было пройти всю прихожую.

— Спросили, почему она решила, что он упал?

— У него кружилась голова. Раньше бывало. Она сказала: «Опять возле шкафа».

— Опять?

— В августе она застала его сидящим на полу. Он объяснил, что потянулся за книгой и закружилась голова. Она помогла встать.

— Запишите отдельно. Без слова «приступ».

— Уже.

Из-за спины Зорина слышались шаги. В дверях появился Александр Воронцов. Он поздоровался с обоими, надел

бахилы и попросил патрульного убрать людей от входа в подъезд. Кто-то внизу уже снимал окна на телефон.

— Дочь едет? — спросил он.

— Из областного центра, — ответил Зорин. — Часа через полтора будет.

Воронцов выслушал Лебедеву, не заходя в комнату. На нём был вчерашний пиджак: на левом лацкане держалась светлая нитка. Она видела её на совещании и тогда тоже подумала, что надо сказать.

— У Мельникова была частная практика? — спросил он.

— Кабинет на Садовой. Пока со слов Фоминой.

— Забирайте записи приёма. И выясните, кто знает, что он найден. В поликлинику сейчас побегут звонить, начнут обсуждать пациентов.

— Нужен ещё человек на обход.

— Будет. Материалы по самому врачу тоже поднимем. Жалобы, конфликты. Лена, с телефоном что?

— Пока не нашли.

— Тогда в первую очередь. И не давайте никому заканчивать за вас это дело словом «ограбление».

Он оставил её работать. На лестнице попросил стул для Фоминой не уносить, пока за ней не приедет сын.

Лебедева вернулась в комнату. На подоконнике за занавеской стоял цветок с толстыми пыльными листьями. Горшок недавно повернули: под ним остался полукруг сухой земли. За цветком обнаружился гранёный стакан. Внутри

была вода и тонкая белая плёнка у края.

— Это тоже отдельно, — сказала она технику.

— Таблетка?

— Не знаю.

Она часто повторяла эти два слова в первые часы. Люди принимали их за нерешительность. Позже бывало трудно объяснить, что именно уверенность мешала увидеть обычные вещи.

Из кухни вышел Зорин.

— Фомина узнала ложку по ручке. Из набора, который дочь дарила. Говорит, он этот набор держал только для гостей.

— А она сама им не пользовалась?

— Пользовалась. По вторникам.

Он чуть пожал плечами, как будто заранее извинялся за испорченную версию.

Лебедева впервые посмотрела на него внимательнее. Лет тридцать пять, светлые волосы коротко острижены, руки красные от холода. На костяшке указательного пальца — содранная кожа. В своём блокноте он писал не столбиком, а маленькими плотными абзацами.

На нём была куртка с блестящими от носки манжетами, а под ней — чистый свитер, слишком тонкий для октября. Зорин держал плечи чуть поднятыми, словно всё ещё ждал, когда согреется. При разговоре со свидетелями он наклонял голову набок; Лебедева успела заметить, что люди принима-

ли это за особое внимание и начинали объяснять подробнее. С ней он головы не наклонял.

— На улице долго стояли? — спросила она.

— Не очень. Машина не завелась.

— Служебная?

— Моя. Служебной положено не заводиться после обеда.

Он сказал это совершенно серьёзно. Лебедева задержала взгляд на его покрасневших пальцах, потом снова повернулась к комнате.

— Чайник? — спросила она.

— Холодный. На кухне ещё одна чашка. В ней, кажется, кофе. Блюдце под ней не из этого набора.

Двое пили чай в комнате. Или один пил чай, другой воду. Или никто не приходил, а стакан стоял со вчерашнего утра. Пока из увиденного можно было получить слишком много разных вечеров.

Лебедева подошла к двери кухни. Над раковиной сушились выстиранные пакеты. На холодильнике под магнитом была квитанция за электричество и листок с печатным расписанием автобусов. Одна строка обведена ручкой. Возле плиты стояла кастрюля, накрытая тарелкой.

— Он обедал один, — сказал Зорин. — Фомина привезла ему суп в воскресенье. Кастрюля её.

— Откуда вы знаете, что один?

— Не знаю. Это она так сказала.

Он открыл блокнот и исправил запись. Без раздражения,

без шутки.

Лебедева вспомнила, что не ела с утра. Выходя из дома, она сунула в сумку яблоко; теперь оно лежало рядом с чистыми пакетами для документов. В этом совпадении было что-то неприятное. Она застегнула сумку.

С лестницы донёсся голос Фоминой. Та спрашивала, можно ли позвонить дочери ещё раз, потому что девочка наверняка едет одна.

— Сколько дочери? — спросила Лебедева.

— Тридцать один, — ответил Зорин.

В квартире закончили общие фотографии. Медик позвал техника к телу. Лебедева осталась у порога, давая им место, и ещё раз посмотрела на стул. Он был выдвинут из-за стола и стоял под углом к окну. На спинке засохла узкая полоска крови. Справа от него на паркете не было никаких заметных следов.

Кто-то сидел здесь вечером. Мельников разговаривал с ним через стол, либо стоял, либо уже лежал на полу. Человек мог выйти через открытую для всех подъездную дверь, спуститься мимо телевизора соседей и исчезнуть в обычном понедельник.

— Елена Викторовна, — сказал техник. — Здесь под ним.

Медик придерживал тело. На ковре, в месте, которое закрывало плечо, лежал обломок зелёного пластика. Маленькая дуга с острым концом и белой полосой на изломе.

Лебедева наклонилась, не заходя на ковёр.

— Общий, потом крупно.

Зорин встал рядом. Они смотрели на пластик и молчали, пока техник менял объектив.

На площадке наконец выключили телевизор.

Дочь Мельникова приехала на чужой машине. Водитель не вышел: опустил стекло, спросил, нужна ли будет обратная поездка, и смутился, когда она не ответила.

Зорин стоял возле подъезда и сразу понял, кто она, хотя фотографии ему не показывали. Женщина посмотрела не на полицейский автомобиль, а на окно второго этажа. Потом достала телефон, нажала на экран, поднесла к уху.

Он подождал несколько секунд.

— Мария Павловна?

Она повернулась к нему с телефоном у лица. Оттуда были слышны длинные гудки.

— Я Зорин. Уголовный розыск. Давайте отойдём сюда.

— Он не отвечает.

Зорин кивнул. Сказать «я знаю» было бы неправдой: они искали телефон почти час, а он всё это время мог лежать в кармане неизвестного человека и принимать звонки дочери.

— Я вчера разговаривала с ним. То есть не разговаривала. Он написал.

Она опустила телефон. На ней было лёгкое пальто, явно не для октябрьского ветра, и две разные серьги — маленькое кольцо в одном ухе, гвоздик в другом. Собиралась быстро.

— Вы одна приехали?

— Муж на смене. Он позже. Можно мне к папе?

— Сейчас в квартире работают. Я попрошу следователя выйти.

— Я ничего не трону.

— Понимаю.

Никаких слов, которые исправили бы положение, у него не было. Он предложил сесть в машину. Мария отказалась, но взяла из багажника бутылку воды. Открутила крышку, положила её в карман и так и не выпила.

У подъезда стоял мужчина с маленькой собакой. Он делал вид, что смотрит в телефон, однако собака уже несколько минут тянула его к арке. Зорин посмотрел на него, и тот ушёл.

— Что он вам написал? — спросил Зорин.

Мария развернула экран. Вчера, двадцать сорок одна: «Всё нормально. Я дома. Завтра позвоню».

— Это после вашего звонка?

— Я звонила два раза. В половине девятого и через несколько минут. Потом это.

— Можно сохранить? Следователь оформит.

Она отдала телефон так быстро, словно именно для этого всю дорогу и держала его в руке.

— Зачем ему было писать, если он уже...

— Мы пока не знаем, когда он умер.

Мария посмотрела на окно. На внутренней стороне стекла отражался белый прямоугольник света: техник включил

лампам.

— Он не любил эту лампу. Говорил, от неё глаза болят.

Зорин не стал записывать. Иногда людям нужно было сказать хоть что-нибудь о человеке, которого остальные уже называли телом.

Вышла Лебедева. Она поздоровалась, представилась полностью, спросила, кому можно позвонить, чтобы Мария не оставалась одна. Затем сказала то, что Зорин старался не произносить у чужого подъезда. Чётко, без служебных оборотов. Мария выслушала её до конца.

— Нет, — сказала она.

Лебедева подождала.

— Нет. Вы не понимаете. Он в воскресенье забрал из ремонта кофеварку. Ему надо было ещё отвезти квитанцию, потому что они гарантию не поставили. Он вчера про неё говорил.

Она перебирала мелкие обязательства отца, и Зорину казалось, что он физически видит, как они расходятся между её пальцами: квитанция, кофе, обещанный звонок.

Лебедева отвела её к скамейке. Зорин остался у подъезда, чтобы больше никто не подходил, и позвонил коллеге: нужно было проверить ближайшие магазины, аптеки, машины с регистраторами. Время брали широко — с шести вечера до двух ночи. Узкого у них пока не было.

Хозяин камеры над подъездом открыл дверь с третьего раза. Он работал по ночам, спал в берушах и был недоволен

всем: звонками, кирпичом у двери, жильцами, которые думали, что камера принадлежит дому.

— Я её на парковку ставил. Чтобы машину не били. Угол другой.

На экране его ноутбука действительно была в основном парковка. Нижняя ступень подъезда попадала в левый край кадра. Головы входящих оставались за границей изображения.

— Есть вчерашний вечер? — спросил Зорин.

— Должен.

— Не листайте пока. Сохраним целиком с настройками времени.

— Вы там ничего не увидите.

— Может быть.

В квартире хозяина камеры пахло свежим хлебом. На сушилке висели детские колготки. Зорин оставил ему номер и вернулся к машине, где теперь сидели Лебедева с Марией. Дверь со стороны пассажира оставили открытой.

— Зелёная ручка? — переспросила Мария. — Не помню. У него их много.

Лебедева не показывала ей обломок и не упоминала место, где его нашли. Просто попросила описать вещи на столе.

— А подставка?

— Латунная. Тяжёлая. Ещё бабушкина. С углублением для скрепок. Там лошадь была, маленькая. Вы её не нашли?

— Сейчас проверяем вещи.

Мария посмотрела на руки Лебедевой и спрятала свои под колени.

— Это ею?

— Пока я не могу так сказать.

Зорин записал про подставку. В каталоге осмотренных предметов её не было.

— Вчера у него были встречи? — спросила Лебедева.

— На работе, наверное.

— А дома?

Мария молчала. Во дворе включился двигатель, заглушая разговор, и Лебедева дождалась, пока машина выедет из арки.

— Мария Павловна?

— Он просил приехать в среду. Я сказала, что не смогу. У нас инвентаризация. Я работаю в питомнике, мы перед зимой считаем растения. Он сказал: тогда в выходные. Потом перезвонил и спросил, точно ли в среду никак.

— Почему именно в среду?

— Не сказал. Я рассердилась. Подумала, опять давление, опять к врачу не хочет, а я должна приехать и уговорить. Сказала, пусть сам сходит на приём.

Она крутила в руках бутылку. Вода хрустнула вместе с пластиком.

— Когда он перезванивал?

— В воскресенье. После обеда.

— Он говорил о ком-то, кто к нему приходил?

— Один мужчина. Жаловаться. Не вчера, раньше. Папа сказал, что иногда людям нужно найти виноватого. Что он уже всё объяснил.

— Фамилия?

— Не знаю.

— Как он выглядел?

— Я его не видела. Мне папа сказал.

Лебедева посмотрела на Зорина. Тот отметил в блокноте: «Не очевидец».

— А что он вам хотел передать? — спросила она.

Мария подняла глаза:

— Почему передать?

— Вы сказали, что он просил приехать дважды. Иногда это бывает связано с документами или вещами.

— Да. Документы. Наверное. Он спрашивал, где моё свидетельство о рождении.

Теперь Зорин перестал писать.

— И где оно?

— Дома, у меня. Он мне его отдал, когда я замуж выходила. Я сказала: «Пап, ты же сам мне папку собрал». А он помолчал и сказал, что забыл.

Лебедева уточнила, часто ли Мельников забывал недавние разговоры. Мария покачала головой. Лекарства принимал от давления. Путал даты семейных встреч, но телефонные номера помнил лучше неё. Был рассеянный, однако не настолько, чтобы забыть собственную дочь.

— Мы не это предполагаем, — сказала Лебедева.

Мария коротко, зло выдохнула.

— А я уже предполагаю всё. Извините.

— Он мой новый номер сначала не хотел записывать, — добавила Мария. — Говорил, у старого цифры удачнее.

У неё дрогнул рот. Зорин подождал.

— Два месяца звонил на старый. Там потом мужчина появился. Они даже познакомились. Папа спрашивал, как его поясница.

Мария коротко засмеялась и сразу посмотрела на него: можно ли здесь смеяться. Зорин улыбнулся, не отводя глаз.

— И как поясница?

— Не знаю. Лучше, наверное. Он потом сам папе звонил.

Она потянулась к молнии куртки и несколько раз провела по зубцам ногтем. На большом пальце кожа была грубой, с взевшейся у ногтя землёй. Утром Мария собиралась разгружать саженцы; рабочие перчатки лежали в машине на детском кресле. Теперь предстояло решить, куда деть руки, как добраться до вечера и кому сообщить первым. Зорин видел, что она выбирает самое простое: оторвала торчащую нитку от молнии, скрутила её и спрятала в карман.

До приезда мужа ей предложили побыть у Фоминой. Та жила через два двора и сама позвала. Мария согласилась только после того, как Лебедева пообещала сообщить, когда можно будет войти в квартиру.

Зорин отвёл её к Анне Григорьевне. По дороге они встре-

тили мальчика, который тащил за собой велосипед с отвалившейся цепью. Мария посторонилась и придержала открытую калитку. Дождалась, пока он протиснется, будто торопиться ей было некуда.

У Фоминой пахло картошкой. На тумбочке лежали очки в футляре и круглые часы с выключенным будильником. Она сняла с Марии пальто, хотя та не просила, и положила на плечи старую шаль.

— Я сейчас, — сказала Мария Зорину. — Одну минуту.

Она открыла в телефоне галерею. Пролистала фотографии растений, собаки, коробок в теплице. Остановилась на снимке отцовского рабочего стола.

— На его день рождения. Я торт фотографировала. Вот эта подставка, видите?

У левого края кадра была латунная лошадка с поднятой передней ногой. Под ней — прямоугольное основание. Лошадка выглядела слишком изящной для своего тяжёлого пьедестала.

— Вы можете прислать исходный снимок, без обрезки?

— Конечно.

Зорин принял файл и увеличил не подставку, а задний план. На стене за столом, рядом с календарём, висели два снимка в одинаковых узких рамках. На одном — молодая женщина с ребёнком. На другом — группа детей возле деревянной веранды.

— А эти фотографии?

Мария посмотрела.

— Мама со мной. И какая-то отцовская. С работы, кажется.

— Давно висели?

— Всегда. Сколько себя помню. А что?

— Хочу сверить, всё ли на месте.

Он не сказал ей, что над столом сейчас висела только одна рамка.

На улице Зорин позвонил Лебедевой. Та подняла сразу.

— У вас над столом сколько фотографий?

— Одна. Женщина с ребёнком.

— А справа след есть?

Несколько секунд он слушал её шаги.

— Есть гвоздь. Ты нашёл старый снимок комнаты?

— Дочь дала. Отсутствует ещё одна рамка. Там дети.

— Пришли. И спроси, когда она в последний раз её видела.

Мария ответила на сообщение через минуту: «В воскресенье. Я заезжала к Анне Григорьевне и потом зашла к папе. Она точно была».

Зорин переслал ответ и вернулся к подъезду. Хозяин камеры ждал у двери, кутаясь в куртку поверх футболки.

— Слушайте, у меня там время неправильное, — сказал он. — Я сейчас вспомнил. После отключения электричества сбилось.

— Насколько?

— Часа на три. Или на четыре. Я не настраивал.

Зорин достал блокнот.

— Тогда начнём с того, какое время она показывает сейчас.

На фотографии с тортом Мельников смеялся. Рука дочери попала в нижний угол кадра: она держала свечу, которую, видимо, только что выдернула из крема. Лебедева смотрела на снимок за своим столом и пыталась представить, где стоял фотограф. Получалось у самой двери — там, где утром стояла она.

От этой мысли она закрыла изображение.

В кабинете Зорин занял свободный стул, разложил бу-
мажные стаканы и спросил, можно ли открыть окно.

— Заедает справа. Сначала вверх, потом на себя.

Он справился с первой попытки. С улицы потянуло мокрой листвой и дымом от киоска с шаурмой.

Вместе они работали меньше пяти часов. Лебедева ещё не знала, будет ли он перебивать свидетелей, забывать фамилии и обещать людям то, чего не сможет выполнить. Зорин не знал, станет ли она прятать ошибки в длинных формулировках. Пока обоим хватало дел, чтобы не выяснять это специально.

— Я принёс без сахара, — сказал он. — Вы утром не взяли.

— Я утром не взяла кофе.

— Тогда угадал наполовину.

Она придвинула стакан.

Зорин всё ещё стоял, будто для стула требовалось отдельное разрешение.

— Садитесь. Он свободный.

— Мне сказали, у вас тут никто ничего не трогает.

— Кто сказал?

— Уже не помню.

— Быстро забываете.

Он сел. На подлокотнике оказалась засохшая капля корпектора. Зорин попробовал скосовать её ногтем, заметил её взгляд и убрал руку.

— Это не моё, — сказала Лебедева.

— Тогда можно?

Она не удержалась от улыбки.

— Чашку только на папку не ставьте.

Он поискал на столе место без бумаг. Нашёл возле телефона, но там лежало яблоко с маленьким круглым следом от степлера.

— Оно живёт здесь со вчерашнего дня, — сказала она.

— А я хотел спросить, можно ли подвинуть.

— Подвинуть можно. Съесть нельзя.

— Значит, не совсем свободный стул.

Она убрала яблоко в ящик. Ей не хотелось, чтобы новый человек сразу освоился в её кабинете. Ещё меньше хотелось провести день, охраняя от него собственный стол. В конце концов она вытянула из-под локтя два пакетика сахара и бро-

сила один рядом с его стаканом.

— Я буду с сахаром. Если вам для наблюдений.

До этой осени она работала с Котовым. Котов знал, что ей нужно два кусочка сахара, мог без ошибки назвать её дочь и спокойно не включить в рапорт разговор, который считал несущественным. В августе из-за такого разговора они три недели проверяли водителя, уже продавшего свою машину. Котов получил перевод, о котором давно просил. Лебедева получила заключение служебной проверки и привычку задавать один и тот же вопрос разными словами.

Она открыла новый лист.

— Давайте всё, что есть по времени.

Зорин диктовал. Фомина вошла в квартиру утром в семь сорок три — это было её приблизительное воспоминание. Первый звонок дочери в семь сорок семь, вызов скорой в семь пятьдесят две — уже по телефону. Между ними Фомина пыталась позвонить ещё соседке. Зорин не счёл нужным укорять её за эти пять минут.

Вчера Мельников вышел из кабинета на Садовой около половины седьмого. Это сказала администратор; записи камер ещё проверяли. В семнадцать пятьдесят он ответил дочери, разговор длился четыре минуты. В двадцать тридцать две и двадцать тридцать шесть не взял трубку. В двадцать сорок одну отправил сообщение.

Лебедева написала: «Сообщение отправлено с его учётной записи».

— Может, он и отправил, — сказал Зорин.

— Может.

— Дочь сказала, он так и писал. Короткими фразами.

— Это тоже запишем.

Мужчина с камерой оказался полезнее, чем сам ожидал. Вчера в девятнадцать двенадцать курьер привёз ему заказ; на записи сохранился момент, когда он подошёл к машине и забрал два пакета. В приложении было время завершения доставки. Разница с камерой составляла три часа и семь минут. Секунды пока не сводили. Зорин достал бумагу, на которой хозяин записал показания камеры утром, когда они сверяли часы.

— Утром та же разница. Но я всё равно взял весь вечер. Вдруг она ещё где-нибудь перепрыгнула.

— Правильно.

На записи между шестью и десятью вечера удалось различить двадцать три человека. У части были видны только ноги. С семи пятидесяти до девяти вечера часть тротуара закрывал припаркованный фургон: сколько людей прошло за ним, Зорин не знал. Одна женщина вела ребёнка, курьер тащил коробку, кто-то заносил свёрнутый ковёр. В восемнадцать сорок восемь вошёл мужчина с пакетом из магазина. Через несколько минут Фомина позвонила Мельникову, и тот сказал, что уже вернулся. Это позволяло предположить, что мужчина был им, но лица камера не показала.

— Будем ждать дочь, пусть посмотрит вещи, — сказала

Лебедева. — Только не начинайте с «вот ваш отец».

— Я понял.

В девятнадцать одиннадцать вошёл другой мужчина. Тёмные брюки, короткие ботинки, куртка до середины бедра. Правая рука сжата; в левой что-то плоское, похожее на папку. Он вышел в девятнадцать тридцать восемь. У нижней ступени нагнулся поправить штанину, и на миг в кадр попала половина лица.

— Это мы уже знаем, — сказал Зорин. — Сергей Лавров. Водитель. Трижды жаловался на Мельникова в больницу. Я запросил копии.

Лебедева подняла глаза.

— Вы его знаете лично?

— Задерживал прошлой зимой. Драка у проходной автопарка. Без тяжёлого. У него брат умер в четвёртой больнице.

— У Мельникова?

— В отделении, которым тот заведовал. Год ещё уточняю.

Появился человек с мотивом, живой, узнаваемый, приходивший незадолго до смерти. Лебедева почувствовала знакомое облегчение и сразу рассердилась на себя. Облегчение было не от найденной истины. Просто вместо множества пустых клеток возникло имя.

— Дальше запись смотрели?

— Да.

В двадцать ноль шесть в подъезд вошёл человек в длинном плаще. В кадре была тканевая сумка. Через восемь ми-

нут тот же плащ появился снаружи вместе с пожилой женщиной; они пошли в сторону автобусной остановки. Соседка с третьего этажа узнала в них себя и племянницу.

В двадцать восемнадцать вошёл мужчина в светлых брюках. Выхода не было до конца просмотренного отрезка. Ночью записи продолжались, но их ещё не успели разобрать. По размеру фигуры это мог быть жилец пятого этажа, однако тот находился на работе и на звонок не ответил.

— Вот с этого и начнём, — сказала Лебедева. — Лаврова тоже найдите. Только без рассказов всему автопарку, что нашли убийцу.

Зорин собрал бумаги. В дверях остановился:

— У вас все должны так много отрицать?

— Что?

— Не убийца, не его сообщение, не точное время. Я не возражаю. Просто пытаюсь понять, как докладывать.

Лебедева посмотрела на лист перед собой. Он был исчерчен скобками и вопросительными знаками.

— Докладывайте, что видели. И кто вам что сказал. Если решили сами — так и говорите.

— Договорились.

Когда он ушёл, она несколько секунд сидела неподвижно. Потом дописала под временной шкалой два вопроса: «Кто убил?» и «Что искал?» Второй пока был предположением, но три отсутствующие вещи — телефон, подставка, фотография — мешали его отбросить.

Кабинет Мельникова на Садовой занимал половину первого этажа бывшей проектной конторы. Вывеска обещала консультации невролога, психиатра и семейного психолога. На подоконнике стояли одинаковые горшки с искусственной травой. Когда Лебедева вошла, администратор разговаривала по телефону:

— Нет, на четверг тоже нельзя. Нет, я пока не могу сказать.

Она положила трубку и закрыла лицо ладонями.

— Он всегда предупреждал. Даже если на пять минут. А сегодня не отвечает. Я уже догадалась.

Её звали Ирина Круглова. Она работала здесь четыре года, бывшая медсестра. Последним вчера был подросток с матерью. Они вышли в восемнадцать пятнадцать. Потом Мельников остался один, закрыл кабинет и ушёл примерно через десять минут.

— Посетители без записи были?

— Сергей. Фамилию не знаю. Такой высокий, краснеет, когда разговаривает. Он и раньше приходил.

— Вчера?

— Нет. В пятницу. Из-за брата. Ему говорили писать официально, а он стоял здесь и кричал. Пришлось попросить охранника.

Круглова показала место возле стойки. На пластиковой перегородке была длинная царапина.

— Это он?

— Нет. Это мы шкаф заносили летом.

Лебедева убрала взгляд с царапины.

— Что он говорил?

— Что Павел Сергеевич обязан дать ему копии. Что он их не потерял, а прячет. И ещё: «Я с вами закончу».

— Эти слова точно?

— Кажется, да.

— А Мельников?

— Сказал, что поговорит с ним, когда тот сможет разговаривать спокойно. Потом позвал в кабинет. Минут на десять.

— Вы слышали разговор?

— Нет. Здесь хорошая дверь. Он специально ставил.

В кабинете ничего не было похоже на утреннюю комнату, кроме порядка на столе. Два кресла стояли под углом, чтобы сидящие могли смотреть друг на друга и при желании отвести взгляд к окну. На полке лежали детские карандаши, хотя Мельников почти не принимал детей. Круглова сказала, что иногда взрослые приходили с ними.

— После того мужчины он как-то изменился?

— Устал. Хотя он в последнее время и так уставал. Ещё в пятницу спросил, сохранился ли у нас старый сканер. Тот, который отдельные фотографии берёт. Новый мнёт.

— Зачем?

— Хотел увеличить снимок. Я сказала, можно в фотосалон. Он не захотел. Принёс в субботу, я отсканировала.

Лебедева почувствовала, как ускорился пульс. Голос при-

шлось удерживать ровным.

— Какой снимок?

— Старый. Дети какие-то. На даче, наверное.

— Файл остался?

— Не знаю. Он попросил на флешку, я скопировала. На рабочем столе, может быть.

Компьютер администратора был старый. Пока он открывал папку, Круглова несколько раз извинилась за скорость, будто теперь от неё зависело что-то непоправимое.

Файл нашёлся в каталоге сканера. Круглова не пыталась его открывать с субботы; Лебедева попросила больше ничего не менять и вызвала специалиста, чтобы забрать копию надлежащим образом.

На экране стояли дети. Деревянная веранда за их спинами, тёмный провал двери, две взрослые женщины по краям. У одного мальчика рукав куртки заканчивался светлым вязанным манжетом. Он держал соседа за локоть, однако сосед смотрел в другую сторону.

Лебедева не смогла бы назвать возраст точнее, чем от восьми до двенадцати. На снимке было позднее лето: голые ноги, плотные кофты, короткая трава. За крышей виднелись сосны.

— Оборот тоже сканировали?

— Да. Он просил с двух сторон.

Второй файл открывался медленнее. Сначала появилось серое поле, затем пятна клея по углам и надпись шариковой

ручкой.

Три короткие строки. В верхней — число и месяц, выцветшие так, что их трудно было разобрать. Внизу год: 1995.

Средняя строка читалась ясно:

«Мельникову П. С. Лично».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.